



С. И. КАРЦЕВСКИЙ

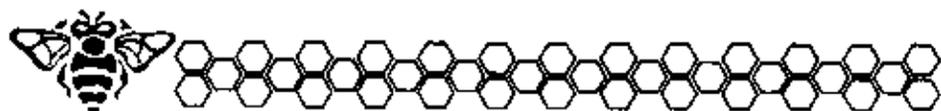
**ИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
НАСЛЕДИЯ**

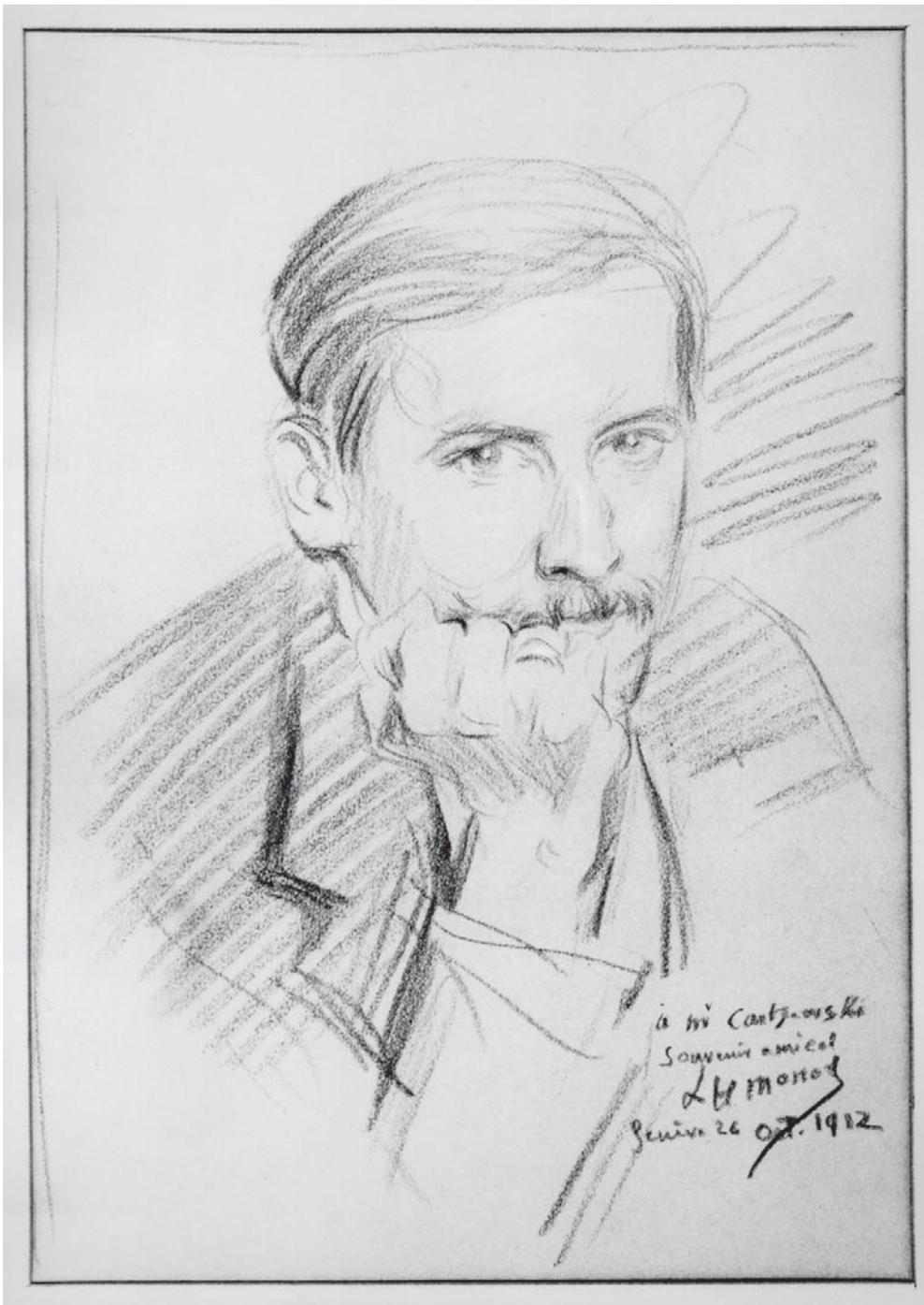
II



STUDIA PHILOLOGICA

STUDIA PHILOLOGICA





Сергей Иосифович Карцевский

(Портрет сделан Люсьеном Моно, отцом будущего лауреата Нобелевской премии Жака Моно в октябре 1912 г.)

С. И. КАРЦЕВСКИЙ

ИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

II

СОСТАВЛЕНИЕ, ПЕРЕВОД,
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ
И. И. ФУЖЕРОН, Ж. БРЕЙАР, Ж. ФУЖЕРОН



ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва
2004

ББК 81.031
К 21

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 02-04-16100

Карцевский С. И.

К 21 Из лингвистического наследия. [Т.] II / Сост., перев., вступит. ст. и
коммент.: И. И. Фужерон, Ж. Брейар, Ж. Фужерон. – М.: Языки славян-
ской культуры, 2004. – 296 с. – (Studia philologica).

ISSN 1726-135X

ISBN 5-94457-160-8

Настоящая книга задумана как второй том выпущенной в 2000 году этим же издательством книги «С. И. Карцевский. Из лингвистического наследия». Цель данного издания — представить широкой лингвистической аудитории некоторые работы Карцевского, написанные более пятидесяти лет назад и никогда не издававшиеся на русском языке.

В основе этого тома лежат книга Карцевского «Система русского глагола», переведенная на русский язык. Решением вынести на забеленки центральную работу ученого привлек к мысли об издании в переводе и некоторых других работ Карцевского, опубликованных в разные годы и разбросанных по разным сборникам. Книга позволяет проследить одну из особенностей манеры Карцевского-исследователя, а именно, неоднократное возвращение к однажды затронутой теме и углубление ее анализа.

ББК 81.031

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshchev.ed@yandex.net.ru), the Danish bookseller G*E*С GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavica@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G*E*С GAD.



© И. И. Фужерон, Ж. Брейар, Ж. Фужерон. Составление, перевод, вступительная статья и комментарии, 2004

© Языки славянской культуры, 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Вступительная статья</i>	7
<i>От составителей</i>	25

I. Система русского глагола

Предисловие	31
Литература	33
<i>I. Введение</i>	
§ 1. Общие положения	39
§ 2. Семиологическое значение	44
§ 3. Идентификация	52
§ 4. Актуализация	62
§ 5. Выводы	65
<i>II. Семантические классы глаголов</i>	
§ 6. Классификация глаголов	70
§ 7. Продуктивные классы	75
§ 8. Непродуктивные группы	88
§ 9. Префиксация	100
§ 10. Ударение	104
<i>III. Переходность</i>	
§ 11. Введение	107
§ 12. Транзитивация	110
§ 13. Нейтрализация	114
<i>IV. Вид</i>	
§ 14. Введение	118
§ 15. Отглагольные образования	122
§ 16. Перфективация	125
§ 17. Имперфективация	130
§ 18. Непродуктивные типы	135

§ 19. Стирание видовой оппозиции	146
V. Деятель	
§ 20. Деятель и подлежащее	148
§ 21. Обезличивание	151
VI. Лицо	
§ 22. Лицо и подлежащее	157
§ 23. Обобщение лица	160
VII. Наклонение	
§ 24. Общие положения	163
§ 25. Повелительное наклонение	165
§ 26. Изъявительное наклонение	169
§ 27. Гипотетическое наклонение	172
VIII. Время	
§ 28. Временная перспектива	174
§ 29. Совершенный вид и время	176
IX. Неличный глагол	
§ 30. Общие положения	183
§ 31. Инфинитив, деепричастие, причастие	187
Заключение	189
Приложение	
№ 1: Заметки о классификации глаголов	191
№ 2: Заметки о приставке <i>о-</i> (<i>об-, обо-</i>)	197
№ 3: Об удлинении гласной корня при префиксации	199

II. Статьи

Понятие процесса в русском языке	209
Заметки о психологии видов в русском языке	221
Об асимметричном дуализме лингвистического знака	239
О фонологии фразы	246
<i>Указатель терминов</i>	290

Вступительная статья

Изучают почерк, манеру писателя. Но можно также говорить о почерке ученого. Существует особая манера анализировать предмет своих изысканий, обнародовать результаты, она и создает почерк каждого отдельного лингвиста.

У С. И. Карцевского был свой почерк. Он выражался прежде всего в скромности. Она проявлялась в выборе и ограничении сферы исследования – русский язык, и только он, а через него и языковая деятельность. Однако не следует заблуждаться: скромность прекрасно сочеталась с железной твердостью, когда надо было защищать свои убеждения, то, что он считал верным. Тогда не принимались в расчет ни время, ни силы, ни личные отношения.

К почерку Карцевского относится и постоянное стремление к совершенству, которое в некоторой мере ограничивало и задерживало его публикации.

Наконец, говоря о его почерке, нельзя забывать, что научная деятельность Карцевского была всегда связана с преподаванием – отсюда ясность и доступность выражения.

Почерк Карцевского вырабатывается в постоянном углублении однажды рассмотренных вопросов. Почти каждая из его зрелых работ восходит к исследованиям более раннего периода и является их продолжением.

Р. Якобсон, говоря о творчестве Карцевского, называет его *Summa linguistica*, которая осталась незаконченной. В действительности незаконченность является внутренним качеством, свойственным почерку Карцевского. Именно она делает «Систему русского глагола» центральным произведением всего творчества ученого. При внимательном чтении нетрудно выявить основные темы, которые будут разрабатываться в последующие годы, что делает эту работу «шестилетней давности» одновременно итогом, манифестом и программой дальнейших иссле-

дований. Любовь мастера к своему произведению в соединении с постоянным стремлением к совершенству выражает особое отношение к времени, которое приводит к тому, что «старая» работа становится лучше, потому что она созрела. «Введение», пишет Карцевский в «Предисловии», было «написано заново», т. е. специально к изданию книги.

Можно было бы сравнить публикации Карцевского с палимпсестами, на которых на месте одних надписей возникают другие. Так, в I главе («Введение») «Системы русского глагола» выражена уже полностью сформулированная мысль о природе лингвистического знака. Впервые эта идея высказана Карцевским в 1925 г. в его статье «О формально-грамматическом направлении»¹. Эту мысль он разовьет двумя годами позже на Первом съезде филологов-славистов (1929 г.) в докладе «Об асимметричном дуализме лингвистического знака», вероятно, наиболее известной из его работ. Якобсон в некрологе, посвященном Карцевскому², вспоминает, как Карцевский, не успев заранее подготовить свой доклад, «судорожно импровизировал его в маленьком уютном пражском кафе». Учитывая выше сказанное, становится понятным, что «импровизация» была лишь новым оформлением давно созревшей идеи. Именно в этом смысле следует понимать слова Якобсона, когда он относит к самому Карцевскому то, что тот говорил о будущем времени совершенного вида: «У него прошедшее и будущее легко соединялись».

«Система русского глагола» определяет последующие исследования Карцевского, как эти последние объясняют предыдущие, – все творчество Карцевского представляет систему. Особенности почерка Карцевского делают понятным тот факт, что «Введение», написанное через шесть лет после основной части книги, не производит впечатления чего-то привнесенного, отграниченного, а наоборот, дает ключ к книге, поднимает ее до уровня общего языкознания, формулирует и разъясняет последовательно проводимый метод. В этом смысле «Введение» может рассматриваться как вполне самостоятельная статья, излагающая научные позиции Карцевского и представляющая избранный им метод анализа. Этим объясняется двойная аргументация, высказанная им в «Предисловии»: с одной стороны, наблюдается «зна-

¹ С. И. Карцевский. Из лингвистического наследия. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 39–40 [далее – М., 2000].

² S. Karcevski. *Inédits et introuvables*. Paris: Peeters éd., 2000, p. XIX sq. [далее – P., 2000].

чительный» по времени разрыв между «Введением» и всем остальным, а с другой — «легко убедиться», что в основе и того и другого лежат «одни и те же принципы». То, что было «лишь смутной неуловимой интуицией», теперь разъясняется в «терминах функциональной логики». Нельзя не отметить способность Карцевского рассматривать свою работу в перспективе длительного исследования, что заставляет его принести извинения за представление «не вполне организованной работы».

Система русского глагола. Впервые в этом «Опыте синхронического лингвистического описания» русский глагол рассматривается как система в строго синхронической перспективе. Именно эта перспектива заставляет Карцевского отбросить все «до сих пор предложенные» классификации (с. 70), и в частности классификацию Лескина-Буайе. Ученик Фортунатова, Поль Буайе, применил к современному русскому глаголу принцип классификации, предложенный Лескиным для старославянского глагола. Карцевский, как и Н. Дурново в 1915 г., ставит в упрек Буайе смешение диахронии и синхронии. Именно из-за этого глагол *писать*, который в результате действия исторического йота представляет в корне чередование согласных *с/ш*, оказывался в группе *С* вместе с глаголами, основа которых в настоящем времени содержит йот: *delat'* — *delaj-u*.

Карцевский ставит вопрос о самой сути классификации. Классифицировать — это не значит навести порядок в хаосе, это значит определить «основные нити, которые соединяют глаголы между собой и которые вместе с тем связывают их с другими словами языка» (с. 71): классифицировать — это выявить систему³.

Новым критерием, предложенным Карцевским, является *продуктивность*, или «влияние по аналогии». Этот критерий определяется возможностью или невозможностью исчисления. Класс характеризуется формами инфинитива и 3-го лица единственного числа. На этой осно-

³ Интересно по этому поводу привести строки из письма Карцевского Н. Н. Дурново от 5/II 1926 г.: «Вы пишете, что можно двояко смотреть на задачи классификации: 1° [с точки зрения (?)] практики — удобное расположение материала, и 2° — установить ассоциации, действительно существующие у говорящих. Первый взгляд я решительно отвергаю. Не мы должны вносить порядок в жизнь, а выяснить тот порядок, который в ней уже существует и называется жизнью». — *Letters and Other Materials from the Moscow and Prague Linguistics Circles, 1912–1945* / Ed. by Jindrich Toman // Michigan Slavic Publications / Cahiers Roman Jakobson, 1. Ann Arbor, 1994, p. 117.

ве выделяется 5 классов продуктивных глаголов, количественно неограниченных и расположенных по «возрастающей сложности»: степень сложности глагольной парадигмы выступает здесь как второй критерий классификации. Так, класс I представлен глаголом *играть*, *играют*, где нет никаких фонетических чередований: «его спряжение, ударение, видовые формы выступают в единстве друг с другом». К этим пяти классам прибавляется семь групп глаголов, число которых, по мнению Карцевского, не превышает 400.

Но новизна «Системы русского глагола» не ограничивается введением критерия продуктивности в основу классификации. Чем же оригинальна эта работа?

Прежде всего следует отметить большое теоретическое значение «Введения». «Основной идеей» своей книги Карцевский считает одно из главных положений де Соссюра: «В языковой системе нет субстанции» (с. 69). Субстанция существует лишь как обрамление языковой деятельности: физическая сторона звука с одного края и «психическое содержание нашего сознания» — с другого. Но Карцевский не ограничивается проповедью идеи де Соссюра и утверждает свой взгляд на язык как место проявления конфликтов, напряжения и борьбы. По мнению Карцевского, в языке нет ничего статичного. В языке постоянно наблюдается борьба между *лексикологией* — стремлением к произвольному и фонологическому знаку, и *синтагматикой* — стремлением к мотивированному и морфологическому знаку (с. 40). Эта идея конфликта и компромисса наблюдается между говорящим и слушающим, между единичным, неповторимым характером каждой конкретной ситуации и общим характером языка.

Среди особенно важных моментов следует отметить рассуждение об асимметрии знака. «Любое значение, которое, как нам кажется, мы ограничили, реализуя его в фразе, на самом деле лишь точка пересечения серии идеологических фактов с серией психологических фактов. Это значение виртуально [virtuellement] может быть одновременно и синонимом и „омонимом“» (с. 57).

Для Карцевского является характерным постоянное внимание к непрерывному и подвижному характеру языковых явлений. В этом отношении его, может быть, можно в большей степени считать последователем Ш. Балли, чем Ф. де Соссюра. Не случайно он упоминает о важности «переходных зон» между классами, между понятиями. Примером этого, по мнению Карцевского, может служить возможность постепенного перехода от транзитивного глагола к нетранзитивному

(с. 107). Дальше он говорит: «...мы постоянно замечаем, что бывают случаи, когда самые противоположные значения перестают различаться» (с. 157). Именно эти «нейтральные», «обнаженные» точки оказываются наиболее уязвимыми в системе.

Необыкновенно важными и интересными являются мысли Карцевского о глагольной префиксации. Позднее он углубит их в статьях «Понятие процесса в русском языке»⁴ и «Заметки о психологии видов в русском языке»⁵. Карцевский первый развил идею Н. П. Некрасова⁶ об усилении значения переходности в приставочных глаголах. Для Карцевского связь между префиксацией и переходностью не вызывает сомнений: «Теоретически, любой основной [т. е. непереходный] глагол становится переходным при префиксации»⁷. Так, непереходный глагол *верить* + дат. образует переходные при префиксации: *уверить, проверить, заверить, доверить, сверить*.

Большой вклад сделан и в области аспектологии. Карцевский выражает здесь свое несогласие с А. Мазоном в вопросе отношений между временем и видом. В своей работе 1914 г. «Употребление видов русского глагола»⁸, которая содержит немало тонких наблюдений, но по построению скорее приближается к «педагогическому» перечню значений, А. Мазон пишет в заключении: «Именно в категории времени вид нашел свою наиболее прочную точку опоры. Там, где время исчезает, в инфинитиве и в императиве, значение вида слабеет: оппозиции стираются, оттенки ступеневаются; говорящий, как бы сведущ он ни был, инстинктивно, к своему удивлению, начинает колебаться»⁹. Карцевский, напротив, относит вид к «основным значениям». Для него образование вида «предшествует, так сказать, созданию предикативных значений лица, наклонения и времени, и скорее, именно время старается „поместиться“ в рамках вида, чем наоборот» (с. 147). Так для Карцевского вид берет верх над временем. Употребляя терминологию Ш. Балли, он относит вид к области «характеризации», а время — к «актуализации»¹⁰.

⁴ Наст. изд., с. 209.

⁵ Там же, с. 221.

⁶ Н. П. Некрасов. О значении форм русского глагола. М., 1865.

⁷ Наст. изд., с. 113.

⁸ А. Mazon. *Emploi des aspects du verbe russe*. Paris, 1914.

⁹ *Ibid.*, p. 240.

¹⁰ Ch. Bally. *La Pensée et le langage* // *B. S. L.*, XXIII, 1922, p. 118, n. 1.

Блестящим новаторством предстает «деривационная цепь»: «Видовое значение глагола зависит от места, которое он занимает в отглагольной словообразовательной цепи» (с. 119). Эта схема вытекает непосредственно из понятия системы, т. к. именно место, занимаемое в цепи, сообщает глаголу его «значение». Таким образом, могут быть объединены только соседствующие звенья цепи. А например, приставочный глагол *при-касаться* нсв не может считаться непосредственно образованным от глагола нсв *касаться* (в соответствии с привычной моделью *играть* нсв > *выиграть* св), так как в этом случае, во-первых, он должен был бы быть совершенного вида, а не несовершенного, и во-вторых, эти два глагола должны были бы быть в цепи «соседями», тогда как они находятся на разных ее концах: *касаться* нсв > *коснуться* св > *прикоснуться* св > *прикасаться* нсв.

Префиксацию глагола Карцевский рассматривает как внутреннюю синтагматику¹¹.

В синтаксисе теория двучленной синтагмы, изложенная в «Курсе общей лингвистики» де Соссюра и развитая Ш. Балли, непосредственно связывает Карцевского с Женевской школой. Используя символику Балли T — определяемое и T' — определяющее, Карцевский вводит новое — определение подлежащего как « T абсолютного»; подлежащее — это слово, «которое не может служить T' ни одному другому слову, но к которому все другие слова фразы относятся как T' разных разрядов и видов» (с. 157).

Карцевский не признает за предикативной синтагмой какого-либо особого места, рассматривая предикативность как «вмешательство» говорящего лица.

Уже в «Системе» мы находим размышления Карцевского об интонации. Он утверждает, что «порядок слов естественно [связан] с интонацией» (с. 157). Для западной лингвистики подобное утверждение в эти годы было весьма новым. Проблемы интонации и интонационной структуры фразы будут развиты Карцевским позже, в статье 1931 г. «О фонологии фразы»¹².

Перечисляя «вторичные модальности изъявительного наклонения», Карцевский подчеркивает значение недостоверного факта и выявляет то, что сегодня называют опосредованным высказыванием (медиативом), замечая, в частности, что эта модальность, «столь яр-

¹¹ М., 2000, с. 118–119.

¹² Наст. изд., с. 246.

кая и выразительная, не была еще отмечена ни нашими грамматистами, ни нашими писателями»¹³.

То здесь, то там в «Системе русского глагола» встречаются замечания о «русской ментальности», о русском складе ума. Сегодня, в свете теории когнитивизма, они снова стали актуальны. Но следует помнить, что корни их уходят к славянофилам XIX века. Это особенно ясно видно в главе VIII – *Время*. Карцевский отмечает, что «характерной чертой русского склада ума, безусловно, является постоянное стремление видеть и представлять себе. Время в русском языке психологическое и субъективное; временные формы глагола никогда не бывают достаточно „пустыми“, чтобы служить только средством подчинения или сочинения»¹⁴. В русском языке «объективная временная перспектива все время нарушается» воображаемым перемещением говорящего в течение его рассказа. Отметим, что Карцевский тем самым как бы объясняет, почему русский язык не признает «согласования времен». Точно так же инфинитив – «это адекватное выражение идеи процесса, которая в русском сознании неотделима от учета вида»¹⁵.

Сегодня, в связи с первой публикацией перевода на русский язык книги Карцевского «Система русского глагола», следует остановиться на некоторых моментах, помогающих понять, почему книга не получила достаточного распространения.

«Система русского глагола» представляет собой докторскую диссертацию Карцевского, опубликованную в Праге в 1927 г. к защите в Женевском университете. Одним из членов жюри был Шарль Балли.

Почему книга выходит в Праге?

В столице молодого Чехословацкого государства в это время находилось и работало немало русских. Эмигрировавшая интеллигенция была под покровительством правительства Т. Масарика, философа по образованию, автора «*Zakladove konkretné logiki*». Он видел в русской эмиграции преемников русской элиты после предполагаемого краха большевистского строя. К этой интеллигенции относился и бывший член партии эсеров Сергей Карцевский.

С начала 20-х годов Карцевский работает в Праге в Русском лицее, директором которого был теоретик евразийства П. Н. Савицкий.

¹³ Там же, с. 171, примеч. 5.

¹⁴ Там же, с. 175.

¹⁵ Там же, с. 185.

Карцевский работает также в русском педагогическом институте¹⁶, участвует в создании Пражского лингвистического кружка, общается с лингвистами, среди которых В. Матезиус, Р. Якобсон, Н. Трубецкой и др. Выходу книги предшествуют напечатанные в пражском журнале «Slavia» две статьи под общим заголовком «Études sur le système verbal du russe contemporain»: «I. — Classification naturelle des verbes russes»¹⁷ и «II. — Mécanisme des aspects»¹⁸. Следует также напомнить, что книга Карцевского выходит благодаря поддержке Министерства народного образования и Министерства иностранных дел Чехословацкой Республики.

Возникает другой вопрос: почему книга выходит на французском языке?

Выбор был неслучаен. Во-первых, он имел целью отмежеваться от немецкой лингвистики. Во-вторых, Франция в этот период выступала символом свободы и культуры, и Чехословакия была с ней тесно связана. В дальнейшем эта связь подтвердилась тем, что большинство работ Пражского лингвистического кружка выходило на французском языке. Кроме того, не следует забывать, что это была не просто книга, а университетская работа, которая защищалась в Женеве.

И здесь правомерно задать еще один вопрос — почему в Женеве, где не было ни установившейся славяноведческой традиции, ни хотя бы просто кафедры какого-либо славянского языка? Почему не в Париже, где уже существовало утвердившееся славяноведение, где в начале века в Сорбонне была открыта кафедра русского языка и литературы, где благодаря щедрости правительства Масарика Эрнест Дени создает при Сорбонне молодой Институт славяноведения, в задачи которого входит объединять и развивать славистику во франкоязычных странах? Почему не в Париже, где с 1921 г. выходит созданный Андре Мазоном и Полем Буайе печатный орган Института «Revue des études slaves», и по сей день являющийся одним из центров французской славистики? В 1924 г. начинает выходить «Le Monde slave», руководимый Жюлем Легра, Луи Эйзенманном и Этьеном Фурнолем. И, наконец, почему не в Париже, не во Франции, где в последние годы за работой над диссертацией, кажется, наблюдал Антуан Мейе?

¹⁶ P. Sériot. *Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale*. Paris: Presses Universitaires de France, 1999, p. 35, n. 3.

¹⁷ *Slavia*, vol. I, t. 2/3, Praha, 1922–1923, p. 242–268.

¹⁸ *Slavia*, vol. I, t. 4, Praha, 1923, p. 495–523.

В пользу Женевы можно выдвинуть только тот факт, что именно в Женевском университете во время своей первой эмиграции Карцевский слушал лекции де Соссюра, Сешеэ¹⁹, Балли. Карцевский-лингвист был сформирован женевской школой. Диссертация была одобрена Ш. Балли, который пользовался огромным авторитетом. Но он не был славистом.

И вот труд, написанный на французском языке, вероятно, законченный во Франции, но изданный вне Франции, был воспринят французской славистикой как труд пришедший извне. Эта огромная работа оказалась лишенной всякой научной поддержки со стороны французских славистов. А. Мейе опубликовал в «Bulletin de la Société de Linguistique de Paris» несколько сдержанную рецензию на выход книги. А. Мазон, похоже, никак лично не отреагировал на выход книги, автор которой говорил прямо противоположное тому, что писал сам Мазон в своей работе о морфологии вида²⁰.

К моменту выхода книги Карцевский и Мазон были уже знакомы. Мазон присутствовал на 112-м заседании Диалектологической комиссии (Москва, 17/V 1918 г.), где обсуждалась представленная Карцевским классификация русских глаголов²¹. Правда, Карцевский не принял критики, высказанной Мазоном.

А в 1925 г. А. Мазон публикует сборник статей в честь Поля Буайе. В нем напечатана статья госпожи М. Гиомар о существующих классификациях русских глаголов²². В статье доказывалось, что классификация А. Лескина, в том виде, в каком применил ее к русскому языку П. Буайе, а затем вновь представил А. Мазон, является наиболее обоснованной. Из статьи явствовало, что следует принимать во внимание только традиционные классификации: «Если оставить в стороне классификацию, недавно предложенную Карцевским, которая основана на различении продуктивных и непродуктивных типов глаголов и в которой личные окончания являются лишь второстепенным критерием, то традиционные системы можно разбить на три

¹⁹ Орфография «Сешеэ» соответствует французской фонетической реализации.

²⁰ A. Mazon. *Morphologie des aspects du verbe russe*, Bibliothèque de l'École des Hautes Études, Sciences Historiques et philologiques, fasc. 168. Paris, 1908.

²¹ М., 2000, с. 325–330.

²² M. Guihomard. «Des systèmes traditionnels de classement des verbes russes», *Mélanges publiés en l'honneur de M. Paul Boyer*. Paris: Librairie H. Champion, 1925, p. 324–332.

группы»²³. Иначе говоря, классификация Карцевского не является «традиционной». Такой подход, с одной стороны, признавал за Карцевским особое место в языкознании, но с другой, означал отказ от рассмотрения его классификации. В статье Буайе представал наследником русской грамматической традиции в области классификации глаголов, идущей от Смотрицкого и Ломоносова, тогда как Карцевский оказывался от нее отстраненным. Потребовалось более сорока лет, чтобы французская русистика критически посмотрела на классификацию, известную под названием Лескина-Буайе (работы Ж. Леписье, Р. Лермита, П. Гарда), и признала необходимость критерия продуктивности при классификации глаголов.

Итак, книга «Система русского глагола» — книга со странной судьбой. Но и сама книга, можно сказать, странная. Обычно авторы диссертаций подчеркивают современность и новизну своих исследований и устарелость того, что было сделано до них. Карцевский же с первых строк говорит, что его работа — «шестилетней давности»²⁴. Какой автор согласится сегодня, чтобы книга открывалась подобным признанием?! Это больше, чем честность истинного ученого, чуждого какой бы то ни было снисходительности к самому себе. Это его почерк.

* * *

Каждая из четырех статей, также впервые публикуемых в переводе в этом сборнике, развивает идеи, в большей или меньшей степени затронутые в «Системе русского глагола».

Статья «Понятие процесса в русском языке» была впервые опубликована после смерти ученого по рукописи, находящейся в его архиве и помеченной автором «26.V.37 г.». В статье в оригинальной манере ставится проблема диалектического противопоставления тождественности и изменения, неподвижного и подвижного. В основу концепции предложения Карцевский ставит идею напряжения. Существительное, которое представляет вещи, располагаемые в пространстве, является неподвижной точкой. Глагол, представляющий процесс, не располагаемый в пространстве, но вписанный во время, является выражением изменения. Противоречие между тождественностью (неизменяемостью) и изменением разрешается в рамках предложения. Таким об-

²³ Ibid., с. 324.

²⁴ Наст. изд., с. 31.

разом, процесс — это напряжение между исходной точкой (подлежащим) и завершением (конечной точкой). Прохождение между двумя точками и обеспечивается процессом. Эта концепция позволяет исчерпывающе представить типологию различных видов предложений: действие, перемещение в пространстве, становление, состояние, а также случаи, когда несовпадение исходной точки процесса, «темы» (в том смысле, в каком этот термин употребляет В. Матезиус), с «*T* абсолютным» приводит к устранению подлежащего. В этой же статье Карцевский закладывает основы того, что он углубит в статье «О фонологии фразы»: «Фраза существует до предложения, т. е. независимо от него». Идея напряжения приводит автора к различению «напряжения вопроса и разрядки ответа».

Статья «Заметки о психологии видов в русском языке» была написана годом позже. Начиная ее, Карцевский сразу говорит, что это дополнение к тому, что было сказано о видах в «Системе». Он развивает свой анализ синтаксической роли приставок. По его мнению, оказывается, что в ряде случаев глагольной основе отводится всего лишь роль обстоятельства образа действия, тогда как предикативную функцию призвана выполнять приставка. В качестве примера автор приводит глагол *про-сидеть* (стул), где приставка *про-* и суффикс *-еть* образуют «глагольную рамку», в которой элемент *-сид-* является семой с наречной функцией. В разговорной речи глагольная основа может оказаться настолько второстепенной, что может быть упразднена, отчего, при наличии объекта, смысл не страдает и восполняется из контекста (с. 224). В этой же статье Карцевский намечает классификацию приставок в зависимости от размеров пространства. Он выделяет, с одной стороны, *линейные* приставки, а с другой — приставки, связанные с *поверхностью* и *объемом*.

Верный своему пониманию языка как системы, где все взаимосвязано, Карцевский проводит семантическую связь между приставкой и омонимичным предлогом: ограничительная приставка *по-* и распределительный предлог *по*; обозначающие выход за пределы нормы приставка и предлог *за*.

Вероятно, под влиянием идей А. Бергсона, на которого Карцевский ссылается в статье, он развивает мысль о *длительности* [*durée*]. Перфективация, согласно Карцевскому, сводится к трем типичным позициям: *линейное сокращение*, *подытоживание* и *сокращение до единичного жеста*. Эта последняя позиция приводит его к анализу образования глаголов на *-нуть*. Он совершенно по-новому рассматривает «отдель-

ную меньшую систему», где главная роль отводится восклицанию, «стержню системы». Карцевский отмечает значение жеста в восклицании и, тем самым, его зрительную природу. Здесь также затрагивается вопрос о напряжении и разрядке, ибо, «несмотря на все многообразие восклицания, его механизм неуклонно сводится к двум фазам: выход из состояния покоя и возвращение в состояние покоя»²⁵, ситуация, в которой нет места для развития процесса. Помимо уже перечисленных вопросов, затронутых в статье, обращают на себя внимание размышления ученого о значении времен, и в частности о различии значения настоящего времени совершенного и несовершенного видов.

Обе статьи показывают, как Карцевский, исходя из наблюдений над своим родным языком, поднимается до проблем общего языкознания, затрагивая вопросы, которые не могут не волновать лингвиста. В этом отношении статья «Об асимметричном дуализме лингвистического знака», опубликованная в I томе «Трудов Пражского лингвистического кружка» (1929 г.), является безусловно наиболее известной и заслуженно наиболее цитируемой. На нескольких страницах Карцевский, развивая замечание Ш. Балли, напоминает, что «знак и значение не покрывают друг друга полностью, их границы не совпадают по всем точкам» (с. 239). Язык как семиологический механизм колеблется между общим и индивидуальным, между абстрактным и конкретным, и лингвистический знак должен всегда «приспосабливаться к конкретной ситуации, [он] может изменяться лишь частично, так как нужно, чтобы, благодаря неподвижности другой части, он оставался тождественным самому себе» (с. 240). В любом акте узнавания или понимания новое укладывается в старые рамки. Узнать — значит найти точку пересечения известных координат. Эта точка и является новым. Знак определяется лишь относительно. Он, по выражению де Соссюра, «дифференциален». Карцевский останавливается на явлении «транспозиции», которое находится в центре речевой деятельности, т. е. каждый раз, употребляя какое-либо слово, говорящий адаптирует его значение к конкретной действительности, включая в него более или менее новую совокупность представлений. Иначе говоря, семантическое значение знака постоянно транспонируется. Карцевский выявляет двигатель языковых изменений: в их основе тот факт, что «адекватная позиция знака постоянно перемещается в силу адаптации к требованиям конкретной ситуации».

²⁵ Наст. изд., с. 230.

Говоря об этой статье, нельзя не отметить, что с точки зрения методологии она явилась источником целого ряда исследований в современном языкознании — достаточно указать Вл. Скаличку, которого эти несколько страниц вдохновили на статью «Asymetrický dualismus jazykových jednotek»²⁶.

Известно, что по де Соссюру лингвистический знак отличают две черты: он «произволен» и имеет линейный характер. Пражские лингвисты, даже такие, как В. Матезиус, который закладывает основы «актуального членения предложения», не уделили должного внимания этому обстоятельству. Для них «обратный» порядок слов представляется как экспрессивный вариант, и, следовательно, такое предложение находит свое место на парадигматической оси. Карцевский же придает большое значение линейному характеру означающих. Это с особенной отчетливостью выступает в статье «О фонологии фразы» (1931 г.), посвященной Матезиусу и Якобсону. Выделяя четыре плана языка (фонологический, морфологический, синтаксический и лексикологический), Карцевский проводит идею о том, что физические характеристики звука (тембр, длительность, тон и интенсивность) можно изучать в различных языковых планах. Таким образом, можно говорить о фонологии звука, о фонологии слова, о фонологии синтагмы и о фонологии фразы. Фраза является единицей высшего, лексикологического плана, она, в противоположность предложению, не относится к ведению грамматики. Фраза — «актуализованная единица коммуникации». То, что у Матезиуса только «сегментация», Карцевский, верный принципу динамики в языке, рассматривает как «напряжение», как «скрученную пружину». Он считает, что любая не слишком короткая интеллектуальная фраза распадается на две части. Это явление не грамматического характера, оно относится к языковой деятельности вообще, а не к какому-то из ее видов в частности. Иначе говоря, грамматика — это лишь оформление, нечто второстепенное. Интонация является средством и проявлением актуализации. Между напряженной, побудительной интонацией и той, которая за ней следует, «успокаивающей», существуют линейные отношения (эти части не могут меняться местами). Это не грамматические отношения. Но если интонация не имеет ничего общего с грамматикой, то эта последняя всячески стремится завладеть ею.

²⁶ См. в «Naše řeč», гоѡ. XIX, Praha, 1935.